

Николай Доризо:

САМОЛЕТ, УХОДЯЩИЙ В ЮНОСТЬ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НОВОМ ФИЛЬМЕ «БЕРЕГ»

А БЫЛ ли действительно этот полет, этот самолет, уходящий в юность, была ли действительно встреча писателя Никитина со своей первой фронтовой любовью, немецкой девочкой Эммой, через столько лет на далекой земле Западной Германии?

Может быть, все это ему приснилось в том предсмертном сне, когда человек, прощаясь с самим собой, в одно мгновение ощущает всю свою жизнь целиком, с раннего детства и до последнего дня? Может быть, это острое, неведомое, подробное до мелочей и удивительно собранное, сжатое до мгновения ощущение всей жизни и есть смерть, которую дарует нам природа по извечным законам своей справедливости — той непостижимой гармонии, без которой и не было бы жизни на земле...

Помните, мощный, органичный аккорд гениального Державина:

Куда, Мецкерский,
ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни
брег,
К брегам иным ты
удалился.

Все то, о чем повествует фильм «Берег», поставленный по одноименному роману Юрия Бондарева, конечно, было. И вместе с тем в фильме все время ощущается волшебная, чарующая нереальность происходящего. Нереальность сна, мечты, заветной памяти души. Эти категории, в общем-то, тоже вполне реальные, как реален не только предмет, но и сокровенный, глубинный, духовный мир человека.

Это фильм памяти. Памяти о незабвенной молодости, которая человеку дается только раз в жизни и которая была безжалостно отнята войной вместе с первой, трогательно неуклюжей, доверчивой и чистой любовью.

Удивительная, неизъяснимая прелесть этого фильма, порой волнующая до слез, в том, что все, что происходит в нем сегодняшнего, реального — встреча Никитина на немецкой земле с его юношеской любовью, дорогое, тронущее первыми прикосновениями старости лицо Эммы, — все это видится как бы сквозь дымку памяти. Никитин и Эмма живут не грезами о прошлом, а реальной, нынешней, каждодневной жизнью, с ее заботами и хлопотами... И все-таки они до сих пор остались там, на той войне. Война окончилась в Берлине, но не окончилась в их сердцах. Это ощущается не только в ретроспекциях фильма, но во всем его строе, стиле, образе.

Образ всего фильма — это прежде всего образ главного героя, образ главной героини — Никитин (Б. Щербанов) и Эмма (Н. Белохвостикова)...

Я не раз видел фильмы, в которых одной и той же актрисе приходится играть и девочку, и старуху. Как нелегко бывает загримировать не актрису, а ее возраст. Нет-нет, а он дает о себе знать. Если актриса немолода, молодость ее зачастую

бывает наигранной, искусственной, своим нервным, суебливым и каким-то испуганным задором, лишь напоминающим о возрасте актрисы. Если же молодая актриса играет пожилую женщину, то ее морщинисто нарисованная старость зачастую бывает бутафорской, приклеенной вместе с ее седовласым париком. И этот зримый клей старости все время напоминает мне о беззащитной молодости актрисы.

С героями фильма «Берег» и Никитиным, и Эммой произошло чудо. Никакой бутафории! И в юности, и в преклонные лета они удивительно живые, «правдашные», когда нужно, такие молодые, а когда это нужно, пожилые, поседевшие люди.

Это чудо истинной талантливости романа и истинной талантливости актеров и постановщиков фильма «Берег». Ведь только талант, когда ему надо, может быть красавцем, а может быть уродом, может быть юнцом и может быть стариком. Только ему одному в роду человеческого это подвластно.

Иногда возникает мысль: увидеть бы себя девятнадцатилетним. Посмотреть на себя со стороны, послушать себя. И появляется высокомерная усмешка — наверное, молот канюю-то чушь, да и выглядел как-то по-мальчишески неумно.

А справедлива ли такая усмешка? Видимо, в человеке с самого раннего возраста и до смертного часа есть какая-то постоянная величина. Может быть, поэтому беда не в том, что мы стареем, а в том, что остаемся молодыми.

Фильм «Берег» об этой единой на всю жизнь постоянной величине в человеке. И эту неменяющуюся с годами человеческую суть прекрасно являют собой и Никитин, и Эмма. Без этих двух больших актерских удач невозможно был бы ни идейный замысел, ни волшебная гармония фильма.

ЭТО фильм о войне, о собитиях почти сорокалетней давности. Ровесники нашей Победы уже пожилые люди. У Победы есть уже не только дети, но и внуки.

Однако трудно себе представить фильм более животрепещущий, более сегодняшней. Это киноповествование не только о войне, но и о мире, за который фильм борется страстно, с благородной гуманностью, всем своим существом, всем своим сердцеванием. Это фильм о том, как ценой нечеловеческих мук был выстрадан нынешний мир.

И что может быть еще более впечатляюще — все сказано образами. Ведь образ в искусстве больше характера, ибо он его ракетоноситель.

Я читал роман сравнительно давно. Но сейчас, когда я пишу эти строки, находясь под впечатлением фильма «Берег», мне не надо перечитывать книгу Бондарева. Даже то, что не вошло в фильм, выпукло и отчетли-

во стоит перед моими глазами, освещенное талантом писателя.

Когда я читаю книги о войне или смотрю фильмы о той суровой и вместе с тем одухотворенно-прекрасной поре, поре войны и юности, я думаю о том времени, когда вся скверна, порою незаметная в мирной жизни, сразу безоговорочно обнаружилась, но ее было так мало по сравнению с мужеством многомиллионного народа! И обнажилась великая, героическая душа народа. Когда я вглядываюсь в лица героев этих книг, вслушиваюсь в их речь, я почти безошибочно угадываю, написаны ли эти книги очевидцами, участниками войны или людьми, пусть очень талантливыми, но знающими войну понаслышке.

Но для меня, юности которого совпала с днями сражений, в произведениях о войне писателей, не живших в военную пору, всегда чего-то не хватает. Скорее не правды характеров, поступков и даже мельчайших деталей фронтового быта, а я бы сказал, не хватает едва ощутимой правды того воздуха военной поры, которым нам довелось дышать.

Поэтому мне так дороги книги Юрия Бондарева и этот фильм, созданный в сотрудничестве с ним режиссерами Александром Аловым и Владимиром Наумовым по его роману. На всем — печать очевидцев. Никакой химии, никаких заменителей. Все рождено не инкубаторским способом, а самой жизнью, самим военным лихолетьем.

МНЕ довелось быть вместе с Юрием Бондаревым на героической, до сих пор еще тяжелой от осколков сталинградской земле, по которой метр за метром шел, полз, которую тяжело как бы тащил за собой он, солдат, по горячему снегу в те дни Сталинградской битвы. Эта земля спустя много лет послала его в Верховный Совет РСФСР как своего депутата.

Как всегда, Юрий Бондарев был немногословным, сдержанным, он не приходил в трепет от встреч с каждым знакомым ему по войне холмником в пронизанной холодными предвесенними вет-

рами степи. Он не рассказывал нам о своих фронтовых подвигах. Но в его задумчивом молчании, во внимательном выражении глаз, в скользнувшей вдруг по лицу полуулыбке как бы само говорило его солдатское прошлое.

И это солдатское прошлое Юрия Бондарева как бы само говорит в фильме «Берег».

Любовь молодого советского офицера и немецкой девочки Эммы — птенца, выпавшего из гнезда в дни величайших потрясений... Казалось бы, ситуация исключительная, нетипичная. Но когда мы говорим о типичности как об основном законе литературы, мы не должны забывать о том, что в творениях литературы ситуации как раз зачастую бывают нетипичными. Однако именно в этих нетипичных ситуациях великие писатели до предела обостряли типичность проявления человеческой души, движущие ее внутренние, подспудные силы, высшую правду человеческих чувств, поступков, правду главного, что есть в человеке, — правду его совести.

Вот и оказывается, что такая «нетипичная» любовь молодого советского офицера и немецкой девушки на земле поверженной фашистской Германии при всей своей исключительности не случайная, не выдуманная, а имеющая свою глубокую жизненную правду. Этот явившийся миру гуманизм солдата, обездоленного войной, израненного в сражениях, но не мстящего той земле, на которую он пришел.

Исходя из всего этого, я и говорю, что высокая и чистая любовь Никитина и Эммы пророчески типична.

МНЕ бы очень хотелось, чтобы этот фильм увидело как можно больше людей за рубежом. Ведь там простые люди так мало знают о нас правды и так много слышат о нас бесстыдной, а порой и кощунственной лжи.

Этот фильм защищает правду, потому что правду ежеминутно надо защищать. Надо драться за нее, ибо правда сама по себе беззащитна.

Этот фильм агитирует за нас, за наш образ жизни, за наш советский характер. Но

агитирует истиной, не нуждающейся в косметических прикрасах. Агитирует порой суровой истиной. Вспомните жестокого, озлобленного на войне Меженина, отличного сыгранного в фильме В. Гостюхиным. Он не вызывает да и не должен вызывать симпатии. Но жестокость его если не оправдана, то объяснима — Меженин потерял на войне близких. Кто-то другой, может быть, мог бы поднять над своим горем... Меженину этого не дано.

Но характер Меженина тоже «работает» на основную, благородную, гуманную идею картины — война страшна не только тем, что погибают на ней хорошие, добрые люди, но и тем, что может сделать человека ожесточенно, а порой и преступно озлобленным.

Мне не нравится слово «экранизация», созвучное слову иллюстрация. Невозможно, как мне кажется, экранизировать роман без потерь. Нельзя что-то не потерять, приобретая фильм. Многие, увы, пропадет бесследно. Чем крупнее писатель, тем неповторимее словосочетание его фразы. А словосочетание — это, может быть, самая сокровенная образность писательской речи. Тайную прелесть бондаревского письма перевести на язык экрана без потерь невозможно.

Такую задачу, к счастью, и не ставили перед собой авторы фильма. Фильм оказался мудрым, замечательным читателем романа. В романе есть эпизод. Уже после Победы, в бою, вспыхнувшем внезапно, когда юнцы — фашиствующие фанатики открыли коварный, обреченный на гибель огонь по нашим солдатам, лейтенант Княжко с белым платком в руке поднимается в полный рост и идет навстречу вражескому огню, спасая тем самым и наших солдат от шальных пуль, и одурманенных, испуганных немецких юнцов от верной гибели. Автоматная очередь обрывает жизнь молодого, тоненького, как струна, советского офицера. Его смерть принадлежит не войне, а нашим мирным дням.

Этот незабываемый эпизод, попав под увеличительное стекло фильма, повторяется в самом финале киноповествования — советский лейтенант Княжко с белым платком перемирия в руке идет навстречу противнику.

В этом есть нечто от выпуклой изобразительности немого кинематографа: помните знаменитую лестницу Эйзенштейна? Выраженный языком кино, этот эпизод в конце фильма приобретает глубокий символический смысл.

Ведь на свете есть еще обреченные на гибель, безумные в своем неистовстве фанатики, способные на любые предательские выстрелы из-за угла. Эта тревожная, глубоко, по-человечески волнующая и предостерегающая концовка так органична для киноповествования!

● Кадр из фильма «Берег».